

Голодные годы в России и исторические механизмы социальной адаптации¹

Неискушенному в исторических парадоксах человеку может показаться по меньшей мере странным, что такое, далеко выходящее за рамки обыденного явление, как голод, рассматривается в контексте истории повседневности. Подобная постановка вопроса парадоксальна лишь на первый взгляд. В данном случае мы можем говорить о так называемых «нормальных исключениях», то есть о весьма распространенной в российской истории ситуации, когда в условиях чрезвычайщины социальные нормы и аномалии меняются местами.

Одним из наиболее ярких примеров подобной экстремальной ситуации, несомненно, является голод 1921-1922 годов, тесно связанный с проблемой адаптации (точнее, выживания) основной массы населения России. Поведение отдельных людей и групп населения в период «голодомора» можно понять, исходя не только из очевидной витальной мотивации, но и из их ментальности и жизненного опыта. Последний в данном случае выступает в форме исторически сложившихся «механизмов» адаптации к резко изменившимся условиям бытия. Из множества часто повторяющихся действий остаются и закрепляются в нормах те, которые приводили к желаемому результату или те, неожиданные последствия которых становились более желательными, чем изначальные. В отношении голода главной составляющей массового сознания выступал страх, объясняющий многие особенности технической, социальной и моральной организации крестьянского общества.

Печальный опыт голода оказался «встроенным» в тело нации. Подобная «модель» вполне применима для объяснения периодически повторяющихся голодных лет или ситуаций, близких к этому, на всем протяжении существования Советской власти. Однако, только создание конкретного

¹ *Опубликовано: Орлов И.Б. Голодные годы в России и исторические механизмы социальной адаптации // Человек в российской повседневности: Сб. научн. ст. М.: СТИ МГУС, 2001. С. 111-119.*

исторического контекста способно помочь раскрыть причинно-следственные связи поступков голодающего населения. Страх перед голодом и его последствиями не только постоянно существовал, но и оказывал влияние на различные стороны жизни российской деревни, формировал у российского крестьянина устойчивые поведенческие стереотипы. Но в условиях большевистского режима зависимость интереса широких масс населения к социалистической идеологии от пищетахсиса (по определению П.А.Сорокина)² стала составной частью архетипа «реального социализма».

В преимущественно аграрной стране, каковой являлась Советская Россия, именно стремление крестьянина обеспечить свое существование обуславливало его отношения с государственной машиной: крестьяне были убеждены, что государство, изымающее часть их продукции, не должно это делать так, чтобы возникала угроза самому существованию крестьянских хозяйств. Последнее замечание тем более важно, если учитывать тот несомненный для современников и подавляющего большинства сегодняшних исследователей факт искусственного характера голода начала 20-х годов. Именно последнее обстоятельство в значительной мере влияло на поведенческие стереотипы подавляющей массы населения страны, трансформируя привычные приспособленческие «механизмы».

Уже в июне 1920 г. из Рязанской и Самарской губерний, а также с Украины шли тревожные известия о недороде, а продрозверстка 1920 г. еще более усугубила положение: крестьяне уже осенью начали есть семенное зерно. Более того, письма из деревни свидетельствовали о том, что в ряде мест селяне «не хотят возить навоз в поле, а также не хотят пахать землю под озимый посев, надеясь на то, что им не придется обсеить землю за неимением у них семян и таковых получить ниоткуда не придется».³

К началу октября 1920 г. неурожай был уже общепризнанным фактом, что вполне прослеживается по материалам центральных газет. Однако, первые

² См.: Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Пг., 1922. 280 с.

³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 55. Д. 12. Л. 97; Оп. 56. Д. 8. Л. 170-171.

официальные сведения о грядущем неурожае советские власти обнародовали только в середине июня 1921 г. (см.: выступление Ленина на Всероссийском продовольственном совещании),⁴ в то же время продолжая делать вид, что голода нет, и утверждать, что «нулевой урожай в Поволжье компенсирует прекрасный урожай на Украине».⁵ Но природа явно не прислушивалась в оптимистическим прогнозам официальной статистики. Летняя засуха 1921 г. придала «Царь-голоду» небывалые размеры и тем самым востребовала все имеющиеся ресурсы выживания: как социальные (например, миграция в другие местности), так и ресурсы, предоставляемые природной частью окружающей среды (так называемый «голодный хлеб»)⁶.

Одну из наиболее удачных попыток определения поведенческих стереотипов крестьянского менталитета во время голода предпринял В.В. Кондрашин, вполне обоснованно отметивший глубоко рациональный (хотя и не всегда гуманный) характер этих стереотипов, направленных на выживание наиболее дееспособных к продолжению хозяйственной деятельности.⁷ Однако, это, в целом верное, замечание требует все же ряда уточнений. Во-первых, в вышеуказанную схему плохо вписывается деятельность крестьянских комитетов взаимопомощи с их стремлением поддержать, прежде всего, самые незащищенные слои. Здесь, скорее, ближе к истине те исследователи, которые подчеркивают, что «выживание слабейших» было освящено общественным мнением.⁸ Во-вторых, население мордовских селений, например, топило своих детей в Волге не для того, чтобы едоков стало меньше, а потому, что «сердце

⁴ Экономическая жизнь. 1921. 17 июня.

⁵ Правда. 1921. 22 июля.

⁶ Более подробно этот вопрос изложен в статье С.А. Волостнова «К проблеме трактовки крестьянского двора как системы». (См.: Дискуссионные вопросы российской истории. Материалы третьей научно-практической конференции «Дискуссионные проблемы российской истории в вузовском и школьном курсах». Арзамас, 1998. С. 76-79).

⁷ Кондрашин В.В. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): Материалы международной конференции. М., 1996. С. 121-122.

⁸ Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар) // Отечественная история. 1992. № 5. С. 7.

не вмещало голодного писка и зрелища мучительной смерти маленьких существ».⁹

На практике поведенческие стереотипы определялись сложным переплетением доминирующих потребностей, архетипов коллективного бессознательного, а также иерархией ценностей и детерминированной последними системой мотиваций. Традиционно, перед лицом грядущего голода трудоспособные мужчины покидали голодающие семьи и уходили на поиски заработков и продовольствия в районы, не пораженные голодом. Помимо этого, реалии Гражданской войны и военного коммунизма породили и массовое мешочничество. Самарцы ехали с севера в Сибирь, южнее - в Туркестан, саратовцы - на Кубань и на Украину и т.д., - сообщала газета «Правда» летом 1921 года.¹⁰

Но эти поездки не шли ни в какое сравнение с «голодной миграцией», которая уже к 1920 г. составила, по официальным данным, около 600 тысяч переселенцев (29). К маю 1921 г. сильно (до 40%) опустела область немцев Поволжья, которые частью уехали в Германию, частью ушли на Украину.¹¹ Тяжелая поступь голода летом 1921 г., резко увеличив масштабы переселения, сделала карту миграций более пестрой и придала им характер массового бегства, особенно в Туркестанский край, Фергану и Сибирь. В.Г. Короленко лично наблюдал, как на Украину «слепо бегут толпы голодных людей, причем отцы семей, курские и рязанские мужики, за неимение скота сами впрягаются в оглобли и тащат телеги с детьми и скарбом, - то картины выходит более поразительная, чем все, что мне приходилось отмечать в голодном году...».¹² Почти в каждом сообщении из уездов содержались сведения о «великом исходе»: жители заколачивали дома, оставляли несжатые полосы, распродавали за бесценок скот и бежали «куда глаза глядят». Хотя

⁹ Львов Л. Неурожай 1921 года и большевики (По данным советских газет) // Голод. Приложение к Кн. 8-9 «Русской мысли». София, 1921. С. 23.

¹⁰ Правда. 1921. 5 августа.

¹¹ Известия. 1921. 27 июля.

¹² См.: Негретов П.И. В.Г.Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917-1921. М., 1990. С. 255.

значительная часть записавшихся на переселение, проев последние сбережения в ожидании отправки, возвращалась умирать голодной смертью в разоренное хозяйство, но многие оставались ждать на пристанях назначения на какие угодно работы и ради получения хлеба, были готовы ехать куда угодно.¹³ Причем, многие не дожидались разрешения на переезд и уезжали без пропусков. Кроме того, большинство вынужденных переселенцев предпочитало не регистрироваться, потому что ходили слухи, что их везут в Сибирь на принудительные работы. Столь живучими были рецидивы эпохи военного коммунизма. Следует заметить, что выезжали преимущественно молодые, вновь построившиеся хозяева, у которых меньше было всякого обзаведения, но иногда перспектива голодной смерти поднимала с насиженных мест целые селения.

Спешно распродавали скот и имущество (швейные машины, сепараторы, сбрую и т.п.) и те, кто оставался на месте, в целях получения хоть каких-то денег на покупку хлеба. Хотя дойная корова и рабочая лошадь продавались или резались в последнюю очередь. При этом, чтобы не оставлять детей без молока, старались купить у татар вместо зарезанной коровы козу. С другой стороны, при низких ценах на скот (козу и овцу можно купить за 15-20 фунтов муки, в лучшем случае за 1 пуд, лошадь и корову - за 3-5 пудов муки), да еще и постоянно падающих (например, в Самарской губернии почти все лето корова стоила 70 тыс. рублей, а в августе ее цена упала до 15 тысяч),¹⁴ выгоднее их было съесть самим. Кроме того, приволжское население занималось рыбной ловлей и имело огороды и сады, которые весной спасали, поливая ежедневно и выливая под каждое дерево по 25 ведер воды.

Засуха усугубила и без того бедственное положение деревни. Резкое сокращение привычной для человека пищи толкало его на поиск и употребление в пищу суррогатов - вынужденной замены традиционных продуктов питания. Отдельные суррогаты хлеба выглядели вполне съедобно,

¹³ Милов Г. По голодным местам (Из путевых впечатлений статистика). Б.м., 1921. С. 9.

¹⁴ Правда. 1921. 5 августа

например, «мука из ильмовой коры, хлеб из которой довольно вкусен, но с трудом проглатывается, так как мука волокниста, и, конечно, совершенно не питателен».¹⁵ Аналогичным было впечатление М.Осоргина: «... Хлеб «средняка» наполовину из несеянного овса, наполовину все же из какой-то настоящей муки; хлеб «бедняка» неизвестно почему носит кличку хлеба. Это кирпичик земли с конским щавелем или лепешка из молотой липовой древесины. Страшен на вид хлеб из корней лесных растений... Много страшнее лепешка из какого-то желтого, как персидский порошок, сухого месива... Одноцветен, хоть и неказист зеленый хлеб из листвы липы...».¹⁶ Неизменной составной частью «голодного хлеба» была серая «питательная глина», главным достоинством которой считалось то, что она размазывалась на языке черной безвкусной массой и не хрустела на зубах.

Столь широкий спектр суррогатов свидетельствует не только об отчаянном положении жителей, но и об определенной, передаваемой из поколения в поколение традиции изготовления «голодного хлеба». Однако, реалии голода начала двадцатых годов означали резкий разрыв с предыдущей традицией. Например, «рацион» суррогатов, употреблявшихся в пищу голодающим населением Челябинской области, насчитывающий шесть десятков наименований (в том числе такие, как озерная тина, мох, ил со дна озера и кожа коровы), мало напоминал хотя какое-нибудь подобие хлеба. В пищу пошли даже заготовленные для скота веники из липы. Широко известная лебеда на этом фоне выглядела деликатесом, тем более что последняя продавалась по 40-60 рублей за пуд. Татары, на чьей земле оказалась «съедобная глина», обложили ее данью, и она стала предметом торговли.

Но суррогатов не хватало, и население начинало есть собак, кошек и даже падший от сибирской язвы и ранее зарытый скот. Но нередко и падаль была не по карману: «Мясо дохлых лошадей и другого скота продается на рынке по 150 тысяч фунт», - свидетельствует челябинская газета «Советская

¹⁵ Милов Г. Указ. соч. С. 10.

¹⁶ Осоргин М. Хлеб голодных // Помощь. 1921. № 1. 16 августа. С. 1.

правда».¹⁷ «Известия Самарского губернского союза потребобществ» сообщали о факте настоящей войны между крестьянами села Старобелогорки Бузулукского уезда, вспыхнувшей 25 ноября 1921 г. за труп собаки. В этом же селе был поставлен своеобразный рекорд: некто П. Чернышев съел 20 кошек и 15 собак.¹⁸

В силу вышесказанного неудивительны достаточно массовые случаи воровства продуктов, скота у соседей и в других селах, открытого грабежа, разгрома ссыпных пунктов и мельниц. Нехватка продовольствия и суррогатов привела к настоящей волне преступности, которую не могли остановить никакие репрессивные меры. Дело не ограничивалось бытовым воровством (было немало и симулирующих кражу, чтобы попасть на даровые хлеба) и бандитизмом. Нередко произвол освящался постановлениями местных советов, опирающихся на местные голодные гарнизоны. Местные власти нередко захватывали продовольственные эшелоны или отцепляли вагоны с продовольствием. Несмотря на наличие военной охраны (контрольно-транспортных пятерок), прибывший в порт «голодогруз» сначала расхищался голодными грузчиками, а затем начинали самообеспечиваться прибывшие для охраны продовольствия войска.¹⁹

Хотя местные власти и не отличались особо активной работой по борьбе с голодом, возлагая все надежды на Центр, жители голодающих областей традиционно продолжали надеяться на помощь со стороны государства и предпринимали действия, направленные на ее получение. В данном ряду можно рассматривать как толпы просящих у сельсоветов и волостных правлений, так и приговоры сельских сходов в вышестоящие органы (в том числе в Помгол) с просьбами об оказании «допомоги». Нередко жители просили помочь им хотя бы засеяться, если уже нельзя помочь прокормиться.

¹⁷ Цит. по: Миронова С., Боже В. Неизвестный голод // Воля. 1994. № 2-3. С. 10.

¹⁸ Голод. 1921-1922. Сборник. Нью-Йорк, 1922. С. 45.

¹⁹ Линский Д.О. Борьба с голодом // Голод. Приложение к Кн.8-9 «Русской мысли». София, 1921. С. 37-38.

Однако срабатывал некий "закон" удаленности от эпицентра голода: чем дальше (особенно это относилось к крупным городам), тем больше чужая боль и беда воспринималась как абстрактная величина. С другой стороны, подобному отношению имелось вполне прагматическое объяснение. Например, в Ярославской, Вологодской и Костромской губерниях продналог на 1921 г. оказался гораздо тяжелее прошлогодней разверстки. Желание жертвовать и помочь голодающим было, но наличие оставшегося от продналога не давало возможности воплотить в жизнь это благое намерение. Население выражало опасение, что собранный налог будет вывезен из губернии и население в конце концов будет само голодать.²⁰ Было бессильно помочь и население городов, в которых с мая была прекращена выдача гражданского пайка. Не оправдывались надежды и на безграничные возможности Сибири и Туркестана.

Создание же Помгола следует рассматривать как чисто советскую реакцию: возникла проблема - под нее создается очередная бюрократия вместо живого дела. Столовые открыли, но кормить в них было нечем. Перед нами письмо неизвестного автора из города Дедова своему знакомому, датированное октябрём 1922 г.: «Столовых открыто очень много..., но толку очень мало. Все это идет по желудкам и карманам тех, кто близко стоит у котла и склада продуктов».²¹ Вот еще одно свидетельство очевидца, направленного ЦК Помгола в голодающие местности: «Поехал я во врачебно-питательном поезде или так называемом «пите», который вез несколько вагонов продуктов и оборудование для устройства питательного пункта на границе Самарской и Уфимской губерний. ...»Пит» стоял, продукты портились, служебный персонал (начальник, лекпом, сестры милосердия и т.д.) от безделья и скуки ставили в вагоне-столовой пьесы Чехова, а голодающие голодали - на то они и голодающие, чтобы голодать».²²

В столь безысходных условиях крестьянский прагматизм нередко демонстрировал примеры поведения совершенно в духе поговорки «сытый

²⁰ Помощь. 1921. № 3. 29 августа. С. 2.

²¹ ГА РФ. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 182. Л. 131-132.

²² Поссе В.А. Нэп и голод // Русское прошлое. 1993. Кн. 4. С. 293-294.

голодному не понимает». Перед нами весьма характерный для того периода диалог, записанный В.А. Поссе: « - Много у вас в деревне голодающих? - спросили мы у здоровой бабы, продававшей молоко по 600.000 руб. за крынку.

- Да с сотню наберется.

- А остальные сыты?

- Остальные сыты.

- Что же вы, сытые не поможете голодающим?..

- А зачем помогать? Чтоб самим без хлеба остаться?».²³

Но далеко не все черствели в этот период. Крестьяне, пережившие тяжелую годину, вспоминали: «На голоде мы всех жалели. Мы не в избытках, да как глянешь настоящего голодающего: как по нем водяные подушки опухлые, из десны гной, как он глух-слеп, недвижим, - последним поделишься».²⁴ Более того, в условиях, когда надежды на властную помощь не оправдывались (например, в Казанскую губернию помощь из Москвы пришла только к лету 1922 г., когда появилась зелень),²⁵ а индивидуальное выживание было весьма проблематичным, включались традиционные механизмы крестьянской взаимопомощи. Одной из таких форм стали крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ), образованные декретом от 14 мая 1921 г. Последние организовывали в голодающих районах при завозе продуктов (если таковые имелись в наличии) столовые и следили за справедливым распределением продуктов, проводили учет голодающих и обязательное «самообложение» более зажиточных соседей. Другими словами, у кулаков в ряде регионов конфисковывали хлеб и скот, а на юге самообложение таких хозяйств проводили фруктами, овощами и другими продуктами. В голодных районах мельницы обязывали к бесплатной переработке суррогатов, а в ряде районов облагали 25% отчислениями от заработка. Кроме того, ККОВы организовывали экспедиции в более

²³ Поссе В.А. Указ. соч. С. 295.

²⁴ Федорченко С. Народ на войне. М., 1990. С. 234.

²⁵ Фролов Н.С. Трагедия народа: (Из истории репрессий Черемашанского района Татарстана). Казань, 1999. С. 28.

благоприятные губернии, способствовали открытию детдомов, убежищ для голодающих, пытались организовать субботники и фонды для борьбы с голодом.

В более благоприятных в продовольственном плане губерниях комитеты сосредоточили свою работу на организации помощи: например, Московская губерния кормила голодающих чувашей, к Витебской были приписаны немцы Поволжья. Так, решением от 16 января 1922 г. Витебский губернский съезд ККОВ обязал всех граждан внести продукты из того расчета, что 10 трудоспособных кормят одного голодного по норме 30 фунтов хлеба и 6 фунтов приварка в месяц, и фуража из расчета 20 фунтов сена или соломы с десятины. Петровский комитет Ставропольской губернии отобрал вино у зажиточных граждан, не имеющих патента, а на вырученные от продажи спиртного деньги купил продукты для голодающих.²⁶ Еще одной формой помощи стало принятие детей на иждивение, хотя при этом иногда руководствовались отнюдь не бескорыстными мотивами. Да и здесь не обходилось без проблем. Так, в дневнике С.Б. Веселовского приведен его разговор с крестьянами о голоде и воззвании большевиков, «которые никого не трогали и только вызывали опасение и недоверие». В ответ на предложение взять на прокормление нескольких детей, «председатель существующего только на бумаге комитета помощи голодающим» высказал сомнение, что это удастся сделать, так как крестьяне сами голодают. Еще один «религиозный и честный крестьянин» высказал весьма распространенное в крестьянской среде опасение: «... возьми мы десяток, так «они» посадят нам на шею еще десяток».²⁷

Голод не только усиливал апатию и индифферентность населения, но и подавлял инстинкт самосохранения (феномен массовых самоубийств), репрессировал «пищеварительный инстинкт» и деформировал психосоциальное «я» индивида: верования, убеждения и нравственные

²⁶ Голод. 1921-1922. Сборник. Нью-Йорк, 1922. С. 95-96.

²⁷ Веселовский С.Б. Дневники 1915-1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 117-118.

воззрения.²⁸ Действительно, никогда в дореволюционное время голод не сопровождался такими разрушающими саму человеческую природу явлениями, когда человек был вынужден переступить грань между ним и животным. Следует уточнить, что трупоедство и людоедство выходит за рамки витализма в смысле адаптации к голоду. Факты каннибализма лежат скорее в сфере психопатологии, нежели определяют императив личного (а тем более коллективного) выживания, не сводимого к чистой физиологии. Подавляющая часть остающихся в живых продолжала сопротивляться окончательному нравственному падению. Например, в селе Аккирееве Татарстана двоих людоедов закопали живьем, а в Кутеме мужа и жену - людоедов - расстреляли без суда.²⁹ Хотя нельзя отрицать и то обстоятельство, что для потерявшего человеческий облик и нравственные ориентиры существа каннибализм виделся реальной альтернативой голодной смерти.

Все вышесказанное позволяет сделать ряд выводов. Голод не только ослабил жизнеспособность выживших, но и резко изменил психику и поведение русских граждан, особенно молодого поколения: произошла нравственная и социальная деградация, проявившаяся в росте преступности, вымогательства и взяточничества.³⁰ У «детей осады» (по аналогии с Парижской осадой и голодом 1870-1871 гг.) - потомства переживших голод, - в большей степени, чем у их родителей, оказался нарушенным традиционный коллективный механизм выживания в экстремальных условиях, примером чего служит голод 1932-1933 годов. Вопреки надеждам эмиграции на то, что население отделяется от коммунистической власти, не способной кормить население,³¹ голодные годы сломили дух нации, сделав ее неспособной к сопротивлению режиму. Поведение масс, управляемое только элементарными безусловными рефлексам, в этом «примитивном хаосе» становится все менее

²⁸ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 293.

²⁹ Фролов Н.С. Указ. соч. С. 31.

³⁰ Сорокин П. «Верую, Господи! Помоги моему неверию!» // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 48-49.

³¹ Заседание Р.Э.О. 25 августа 1921 г., посвященное обсуждению записки Н. Белоцветова «Пути России» // Записки Р.Э.О. в Лондоне. 1921. Т. 1. № 4. С. 1456.

адаптивным к окружающей среде и к взаимоотношениям. А стремление к порядку любой ценой создает благоприятные возможности для утверждения диктатуры. Таким образом сливаются две грани витализма - физиологическая и социальная.